

Вяч. Быстров
Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН

Вл. Гиппиус и Зинаида Гиппиус: история одного поэтического диалога

С З. Н. Гиппиус Владимира Гиппиуса связывали с 1890-х годов непростые взаимоотношения. Они то сближались, то отдалялись.¹ Достаточно подробно эта история прослежена Ю. А. Рыкуниной, опубликовавшей письма Зинаиды Николаевны к Вл. Гиппиусу в 106 томе «Литературного наследства».² Их новое духовное и творческое сближение произошло в 1912 году, во многом пограничном, переломном в жизни Вл. Гиппиуса. Поэт в связи с этим свидетельствовал: «Осенью того же года после не одних уже личных тревог, но страшного горя, случившегося в моей жизни <имеется в виду смерть сына Алеши – В. Б.>, еще более отдаваясь томлению духа, с одной стороны, и общественному озлоблению против реакции, с другой – пришел после долгих колебаний опять к Мережковским, которые еще раз окрестили меня для литературы. / Останусь ли в ней? Или уйду опять? Что преодолет: отвращение или любовь? Отвращение всё растет, а любовь ничто не питает вокруг».³

Поэтическая переписка Вл. Гиппиуса с Зинаидой Гиппиус непосредственно связана с его неизданным сборником «Затменья звезд» (1912–1914), рукописи которого в двух редакциях хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.⁴ Речь идет о стихотворном триптихе под названием «Ответы З. Н. Гиппиус», вошедшем в раздел «Стук»: «1. К моим скитаньям безвозвратным...» (12 декабря 1912), «2. На чьей же страже я стою...» (18 декабря 1912), «3. Завет, завет предвечный с Богом...» (18 декабря 1912). Здесь важно обратить особое внимание на датировки.

Этот мини-цикл явился откликом на посвященное Вл. Гиппиусу стихотворение Зинаиды Гиппиус «Псалмопевцу» («О тайнах подземных и звездных...»)⁵ Есть основания предполагать, что оно было создано в первой половине декабря 1912 года; 14 декабря Зинаида Николаевна в письме уведомила Вл. Гиппиуса: «Стихотворение посылаю, с трудом переписав».⁶

Приведем его целиком:

ПСАЛМОПЕВЦУ

Вл. Бестужеву

О тайнах подземных и звездных
Поешь ты в пустынной тиши,
О вечных стихиях и безднах
Своей одинокой души.

Но своды небесные низки,
Полны голубой простоты,
А люди так жалобно близки
И так же одни, как и ты.

Уйдешь? Но не пить мы не смеем
Святого земного вина.
Уйдешь – но смеющимся змеем
Ползет за тобою вина.

Не ты ль виноват, что голодный
Погиб у забора щенок?
Что где-то, зарею холодной,
Под петлей хрустит позвонок?

Не ты ли зажег крепостную
Над белой рекою иглу?
Не ты ли сгущаешь земную,
Седую, полынную мглу?

Твоей человеческой воле
Одной – не ответит Господь.
Ты ждешь и поешь – но Его ли,
Приявшего бедную плоть?

Не в звездных пространствах – Он ближе,
Он в прахе, в пыли и в крови.
Склонись, чтобы встретил Он, ниже,
Склонись до земли – до любви.⁷

Стихотворение во многом было навеяно впечатлением Зинаиды Николаевны от недавно вышедшего сборника Вл. Гиппиуса «Возвращение. Из книги “Завет Вл. Бестужева”», включавшего стихи 1896–1906 годов (СПб.: Цех поэтов, 1912). На эту книгу она отозвалась в статье «Жизнь и литература. О “Я” и “Что-то”», опубликованной в журнале «Новая жизнь» в феврале 1913 года. Примечательно, что в статье не упомянуто конкретно ни одно из произведений сборника. З. Н. Гиппиус, в частности, так писала о «декаденте чистой воды» Бестужеве: «Он выступил со всеми декадентами в 90-х годах, очень юным, но потом сразу исчез из литературы, ушел куда-то в жизненное уединение, где пребывал вплоть до самого последнего времени. Уединение не убило его таланта, но сохранило от литературных веяний, консервировало, и вот, когда вновь он появился среди нас со своими однообразными, широкими и сильными стихами, со своей книжкой “Возвращение”, – мы ясно увидели знакомый лик настоящего поэта-индивидуалиста, одинокого до отвлеченности, до отчаянья, но с несомненно существующим “Я”. Бестужев остался на той ступени, на которой говорят: “есть Я” или “есть только Я”... Но это не описатель, видящий “Что-то”. У Бестужева нет глаз, – нет их для внешнего “Что-то”, – но мы слышим, как бьется его сердце...».⁸ Затем совершенно неожиданно, почти в жанре мистификации, в контексте статьи возникают фрагменты стихотворений из триптиха Вл. Гиппиуса, адресованного Зинаиде Николаевне; он, конечно, не вошел в сборник «Возвращение», поскольку был создан после выхода его в свет; тексты, вероятно, были посланы или переданы Зинаиде Николаевне в рукописи (читатели статьи, естественно, об этом не знали). В подтверждение своих мыслей о крайнем эгоцентризме она далее пишет, обильно цитируя строки Вл. Гиппиуса:

. . . . .

Вы думаете, я не ведал,
 Что значит стыд, что значит стыд
 Всех поражений, всех обид,
 Когда спешешь *один*⁹ к победам?
 Вы думаете, я не знал,
 Что Он зовет к себе любовью,
 Что связывает души кровью,
 Что кровью сам себя связал?
 Всё это знал я, люди, знал!

Но вот упало, всё упало,
Теперь я в двери постучал,
Теперь мне сердца не достало...

. . . . .
Теперь мечта в крови зовет,¹⁰
А мир лежит один в тумане...
Откройте! Кто печаль возьмет?
Кто душу буйную притянет?¹¹

<...> Бестужев – утверждение одинокой личности (есть только Я)... <...> Раскачнулся маятник далеко – “есть только Я!” – пусть уж летит прямо в другую сторону, не в пустоту, не во “Что-то”, а в противоположное мировое начало, равноценное: от утверждения Личности – к утверждению Общности, коллектива. Желанного синтеза не будет... а когда-нибудь все-таки будет. / Бестужев, благодаря именно крайности и определенности своей индивидуалистической позиции, близок к “возвращению”. Он пишет:

...Господь навек мой посох поднял,
Господь погнал меня, иди...

И кончает это стихотворение (где говорится, что “были две надежды: одна – мечта, другая – плоть”) – настоящим воплем изнемогшей в одиночестве сильной души:

...Любовь моя! На пятой смене,
Как обуянный, впопыхах
Вбежал в поту, в крови и пене,
И жду мечту – на площадях!¹²

От вопля, от голого сознания до воплощения еще далеко, я знаю. Может быть, у действительно “возвращающихся” будут другие слова, другая форма стиха – и форма жизни. Но вот каков естественный уклон *воли*, рожденный крайним и подлинным индивидуализмом... / И уклон этот праведен. “Человек” должен идти к “людям”». ¹³ О своей статье З. Н. Гиппиус написала Вл. Гиппиусу из-за границы в марте 1913 года, полагая, что с нею он на тот момент не был знаком. В письме она словно продолжала их диалог: «Не говорю вам – не бросайте стихов, потому что и так знаю, что вы их не бросите. Об-

нажение души не нужно? Нет, нужно, но кому нужно, кто возьмет – тот не скажет. Это громадная помощь человеку, но... интимная. <...> Талантливы ли ваши стихи? Вы знаете, что я о них думаю. Будь они только “талантливы” – этого было мне маловато».¹⁴

Хронологию посланий предположительно можно представить так: 12 декабря 1912 года Вл. Гиппиус написал стихотворение «К моим скитаньям безвозвратным...»; через день, 14 декабря, З. Н. Гиппиус послала посвященное ему стихотворение «Псалмопевцу»; 18 декабря Владимир Васильевич создает два других текста, вошедших позднее в триптих «Ответы З. Н. Гиппиус». Фрагменты из стихотворений Вл. Гиппиуса вошли затем в ее статью, в которой она касается сборника «Возвращение». Таким образом, во-первых, фрагменты триптиха оказались, возможно, неожиданно для самого автора и без его ведома впервые опубликованы экстравагантной Зинаидой Николаевной, а во-вторых, она в статье, в свою очередь, как бы отвечала на послание Вл. Гиппиуса.¹⁵

Следует подчеркнуть, что З. Гиппиус в начальной строфе своего стихотворения довольно емко и пронизательно определила ключевые доминанты поэзии Вл. Гиппиуса: «тайны подземные и звездные», «стихии и бездны» одинокой души. Для него, как, впрочем, и для других русских символистов, одинаково важны были «бездны» верхняя и нижняя, «небо вверху» и «небо внизу». Как выразился Вяч. Иванов в стихотворении «Звездное небо» (1889), «Сердце ж алчет части равной // В тайне звезд и в тайне дна...»¹⁶

Не случайно и вполне конкретно название триптиха: Вл. Гиппиус действительно отвечал на адресованные ему вопросы (далее придется повторить вслед за Зинаидой Николаевной некоторые фрагменты триптиха).

В вопросах поэтессы содержится подспудный упрек в индивидуализме, может быть, даже осуждение: благотворны и плодотворны ли порывы одинокого, погруженного в себя человека, одинокой воли? до конца ли понята им ответственность за всё происходящее в мире? В заключительной строфе З. Гиппиус, кажется, сама дает напутственный ответ, подразумевая поиски Бога:

Не в звездных пространствах – Он ближе,
Он в прахе, в пыли и в крови.

Склонись, чтобы встретил Он, ниже,
Склонись до земли – до любви.

Но Вл. Гиппиусу такое утверждение показалось слишком прямолинейным. Он решил откликнуться и выразить свое отношение к Богу и к его несовершенному земному творению. Поэт в своей исповеди «О самом себе» откровенно писал: «...Индивидуализм? Да! Личность потребовала высшего своего утверждения (и тем самым – самоотрицания!) – живого личного Бога». ¹⁷ Да, поэт привык жить в двух мирах, двух измерениях – реальном и сверхреальном, наяву и как бы в мечтательных снах, но всегда помнил о своем высоком земном предназначении, служении. Воспринимая призывы поэтессы как «благодатные», он воспроизводит трудные перипетии жизни своей «одинокой души», своего духа:

Но знаешь ли – на пятой смене
Стою один на площадях, –
Кто уличит мой дух в измене –
Мой дух в рыдающих путях?
< . . . . . >
Мне были в мире две надежды –
Одна – мечта, другая – плоть, –
Но за одеждою одежду –
С меня снимал, снимал Господь, –

Пошел я в днях – пустой и голый,
Лицо пылало от стыда,
Но странно легок путь тяжелый,
Но весел путь мой стал тогда!

Господь навек мой посох поднял,
Господь погнал меня – иди!..
Мечта и плоть свились сегодня, –
А звезды, звезды позади, ⁻¹⁸

Поэт, духом обращенный к небу, к звездам, к безмерной мечте, также спрашивает себя, чью волю он исполняет в мире – свою или божескую: «На чьей же страже я стою – // На собственной или на Божьей?» Он утверждает, что служит Богу, зажег «свечи пред лицом Господним», но не отрекся от многообразной земной жизни:

Припал к земле, припал к земле, –
Теперь никто уж не осудит!..¹⁹

Он и ранее, в стихотворении «За видимым невидимое вижу...» из сборника «Возвращение», утверждал: «О, милая земля! // Тебя одну люблю такой любовью нежной...»²⁰

Ему говорят, что он все равно заблуждается, избирает не те пути:

Мне крикнули: ты спишь во зле,
Вставай – тебя заждались люди! –

Исполняя долг, он мечется между мечтой и реальностью:

Иду назад – бегу опять
Любить, доказывать, стучаться, –
Душа, рожденная мечтать,
Должна дрожать, должна метаться!²¹

Вины, греховности за собой он не отрицает:

Вы думаете – я не плакал?
Или я ночью глухо спал,
Когда из чувственного мрака
Мечту живую вызывал?

Вы думаете – я не ведал,
Что значит стыд, что значит стыд –
Всех поражений, всех обид,
Когда спешишь один к победам?

Не является откровением для него и евангельская связь любви и крови, о которой напоминает З. Н. Гиппиус:

Вы думаете – я не знал,
Что Он зовет к Себе любовью,
Что связывает души кровью,
Что кровью Сам Себя связал?

Всё это знал я, люди, знал...²²

Духовная драма поэта заключается в том, что нет окончательного ответа, он по-прежнему находится в сомнениях и поисках, ощущает себя перед некой закрытой метафизической «дверью»:

Теперь я в двери постучал,
Теперь мне сердца не достало!

Теперь стучусь, теперь стучусь, –
И кто откроет, кто откроет?
Я горя, люди, не боюсь,
Но я сражен своей тоскою!
< . . . . . >
Откройте! кто печаль возьмет?
Кто душу буйную притянет?²³

Здесь вполне уместно сопоставление с апокрифическим Евангелием от Фомы: «Многие стоят перед дверью, но единственные те, которые войдут в брачный чертог» (стих. 79); «Иисус (сказал): “...(и тот, кто стучит), ему откроют”» (стих. 98).²⁴ Кстати, немало других реминисценций и переключек из него в сборнике «Затмения звезд».

Существенно, что явственно различимые отголоски этого диалога поэта с самим собой и З. Гиппиус находим в двух других стихотворениях сборника, написанных в те же декабрьские дни, когда создавался триптих. Так, в стихотворении «Мои стихи – мое сознание...» (18 декабря 1912) поэт возражал: «Я Бога в мире полюбил... <...> // И душу в ближнем я открыл. // Нет! я укору отрицаю, // Что будто я как труп живу... <...> Мечта и плоть в моем сознание: // Отец и Сын – мечта и плоть, – // Единый дух в одном дрожание!.. // Мне оправдание – Господь!»²⁵ Сквозной в сборнике – напряженный «диалог» поэта с Богом, к которому он обращается с мольбами, вопросами, которого славит и проклинает. И своеобразной кульминацией тайного спора является последнее стихотворение книги: «Когда я прав, когда я прав, о Боже...», написанном днем раньше, 17 декабря:

Мне говорят – зачем ты в мире любишь
Лишь ночь в звездáх?
Ты сердце там – на высоте погубишь, –
Живи в сердцах:

Рождай в сердцах мечту всегда живую,
Люби людей...
О, Боже мой, я прах Твой поцелую, –
Ответь скорей!

Ответь скорей – кого любить я должен
И – как любить?
Огонь ли Твой? Какой огонь возможный
Еще вкусить,

Чтобы испить, чтобы испить безмерность
Во всем одну, –
Скажи скорей, какую выпить верность, –
И я прильну!²⁶

Ср. образы «огня» в том же Евангелии от Фомы в словах Христа: «Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает» (стих 10), «Тот, кто вблизи меня, (тот) вблизи огня, и кто вдали от меня, (находится) вдали от царствия (Божьего)» (стих 86). Эти высказывания сходны с изречением в Евангелии от Луки: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 2:49). Конечно, здесь подразумевается «огонь духовный», нисходящий от Святого Духа. Недаром Вл. Гиппиус утверждал: «Лишь, как природа, декадентство могло принять жизнь только как преображение. Завет его был воскресение во плоти. Поэтому для него не могло быть другой веры, как вера в правду Божью – в Духа, в котором, не сгорая, перегорает мир».²⁷

Триптих и примыкающие к нему стихотворения важны в сборнике в обширном контексте темы Бога, божественного начала мира и бытия. Пожалуй, наиболее значимое и характерное в восприятии и понимании декадентства Вл. Гиппиусом в разные периоды его творчества – это искание живого Бога на земле, некоего нового религиозного мировосприятия. Поэт все время ощущал Его присутствие, Его влияние на состояние души и духа. Ему необходимо было определить свое отношение к Нему. Он откровенно писал: «Поддам свою неизменную руку декадентству, которое первое до безумия переживало безбожие, и я верю, что с пророческой страстностью хотело Бога. Живого, истинного – в самой жизни, а не в сознании, не в мечте, не в чувствительности».²⁸ Вероятно, Вл. Гиппиус считал себя едва ли не

единственным, кто в эти, 1910-е, годы сохранял заветы истинного, религиозно окрашенного декадентства...

Ему была дорога и «святая плоть» земли, погруженность в мирские заботы и тревоги. Он вовсе не хотел только метафизического созерцания, ухода в свой сокровенный мир. В этом он сближался с Мережковскими, соприкасаясь с тем, что они называли «религиозной общественностью».

¹ См. об этом, в частности: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 65.

² Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу (1894–1914) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ю. А. Рыкуниной // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. Кн. 1. М., 2018. С. 441–476.

³ *Гиппиус Вл. В.* О самом себе / Подгот. текста, публ. и послесловие Евг. Биневица // Петрополь. Литературная панорама. 1993–1996. Стб., 1996. № 6. С. 122.

⁴ См.: ИРЛИ, ф. 77, Архив Вл. В. Гиппиуса, ед. хр. 7, (1-я редакция); ф. 79, Архив Р. В. Иванова-Разумника, оп. 4, ед. хр. 8, (2-я редакция).

⁵ Стихотворение вошло сначала в цикл З. Н. Гиппиус «Молчания» (Сирин. Сб. 3. СПб., 1914. С. [XVII–XVIII]), а затем в ее книгу «Стихи. Дневник 1911–1921» (Берлин: Слово, 1922).

⁶ Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу (1898–1914). С. 467.

⁷ Цит. по: *Гиппиус З. Н.* Сочинения. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, А. В. Лаврова. Л., 1991. С. 171–172.

⁸ *Крайний Антон <Гиппиус З. Н.>*. О и «Я» и «Что-то» // Новая жизнь. 1913. № 2. Февраль. Стб. 170, 171, 172.

⁹ Выделено – З. Н. Гиппиус.

¹⁰ У Вл. Гиппиуса: *встает*.

¹¹ Цитируется 3-е стихотворение триптиха: «Завет, завет предвечный с Богом...» (2-я редакция, л. 154–155).

¹² Цитируются строки из 1-го стихотворения триптиха: «К моим скитаньям безвозвратным...» (2-я редакция, л. 150).

¹³ *Крайний Антон <Гиппиус З. Н.>*. О и «Я» и «Что-то». Стб. 172–173 <выделено З. Н. Гиппиус – В. Б.>

¹⁴ Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу (1898–1914). С. 467.

¹⁵ Примечательно, что в том же 1912 произошел обмен поэтическими посланиями между Вл. Гиппиусом и Блоком, который нашел отражение в ежемесячнике стихов и критики «Гиперборей» (1912. II. Ноябрь. С. 3–8).

¹⁶ *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 1. СПб., 1995. С. 76. (Новая библиотека поэта).

¹⁷ *Гиппиус Вл. В.* О самом себе. С. 129.

¹⁸ «1. К моим скитаньям безвозвратным...», 2-я редакция, л. 150–151.

¹⁹ «2. На чьей же страже я стою...», 2-я редакция, л. 152, 153.

²⁰ *Гиппиус В. В.* Возвращение. СПб.: Цех поэтов, 1912. С. 73.

²¹ «2. На чьей же страже я стою...», 2-я редакция, л. 153.

²² «3. Завет, завет предвечный с Богом...», вторая редакция, л. 155.

²³ Там же.

²⁴ Ср. также в Евангелии от Матфея: «Просите, и дано будет вам: ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; / Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7: 7–8).

²⁵ «Мои стихи – мое сознание...», 2-я редакция, л. 99–99 об.

²⁶ «Когда я прав, когда я прав, о Боже...», 2-я редакция, л. 180–181.

²⁷ *Гиппиус Вл. В.* О самом себе. С. 130.

²⁸ Там же.